

Максим Милованов

БЕСЫ 3.0

Максим Милованов

Бесы 3.0

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Милованов М.

Бесы 3.0 / М. Милованов — «Издательство «Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-128-5

«Бесы 3.0» – реквием третьей промышленной революции. Успех любой ценой – правило № 1 в «Москва-Сити». Что происходит в деловом сердце страны? Какие бесы одолевают его обитателей? «Бесы 3.0» – драма о людях, решивших построить новую, самую высокую башню «Москва-Сити». Их замысел – не обычный небоскреб, а новый символ России. Любовь, дружба, нравственные ориентиры – всё брошено на жертвенный алтарь амбиций. Конкурентная схватка за невиданную бизнес-высоту, за победу в третьей промышленной революции приводит к революции настоящей. «Офисный я планктон или право имею...»

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-128-5

© Милованов М., 2020

© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Махаллат	6
Оливий	9
Маммон	14
Ариэль	18
Лилит	24
Фурфур & Пихтион	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Максим Милованов

Бесы 3.0

© Милованов М., 2020

Махаллат

– Дамы и господа, разрешите представить!..
Высота 650 метров...
150 этажей...
140 лифтов...
4000 машиномест...
6 вертолетных площадок...
900 тысяч квадратных метров элитной недвижимости...
Новая звезда комплекса «Москва-Сити», самое высокое здание России – башня «Вертикаль»!

Сказав это, ведущий церемонии бросил на пол бутылку шампанского, и та эффектно разлетелась ровно на сто пятьдесят осколков.

– Бутылка изготовлена из специального небьющегося стекла. Перед тем, как наполнить шампанским, её разрезали лазером ровно на сто пятьдесят частей, а затем заново склеили, – пояснил представитель австрийского подрядчика, отвечающего за остекление в небоскребе.

– Все окна башни «Вертикаль» будут бронированными. Их невозможно разбить. Если кто-то захочет бросить окурок ну или спрыгнуть вниз, ему придётся изрядно потрудиться: взорвать бомбу ну или выпустить очередь из крупнокалиберного пулемета, – заверил производитель.

– А что, разве подрядчики уже определены? Почему этот австрийский хлыщ так уверенно заявляет о своих правах? – спросил один неосведомлённый гость у другого, пока часть публики собирала осколки.

– Потому что этот хлыщ – человек Ада, – ответил осведомлённый, отпивая виски из небьющегося стакана.

– Какого ещё Ада?

– Того самого Ада!

Спрашивающий ничего не понял, но на всякий случай кивнул.

В это время откуда-то снизу вынырнула растрёпанного вида девица. В её руке находился осколок разбитой бутылки.

– Он м-о-о-о-о-й! Он м-о-о-о-о-й! – вдруг закричала девица и бросилась к ведущему церемонии.

– Дамы и господа, кажется, у нас есть победитель! – произнёс ведущий. – Как вас зовут?

– Махаллат!

– Как? Как?

– Монахова Мария, можно просто Маша.

– Очень приятно, Маша. Кто вы, чем занимаетесь?

– Работаю в башне, на сорок третьем этаже, администратором, – сказала девица и, прижав осколок к груди, зарыдала. – Я всегда о таком мечтала. Он м-о-о-о-о-й! Он м-о-о-о-о-й!

Ведущий, видимо, понял, что дальнейшая содержательная дискуссия с девушкой невозможна, и то ли с грустью, то ли с радостью произнёс:

– Ну что ж, показывайте!

Та взметнула руку вверх и продемонстрировала осколок бутылки шампанского, на котором была выгравирована цифра «один».

– Итак, по условиям нашего конкурса, человек, нашедший осколок с цифрой «один», становится обладателем нового «мерседеса» А-класса от официального перевозчика проекта

«Башня «Вертикаль» – компании «Лакшери-Авто». И этим обладателем становится Монахова Мария, или просто Маша – скромная труженица сорок третьего этажа. Так поздравим же её!

Присутствующие вяло заплодировали. Стоявшие у стеночки гости зашушукались.

– Что за соплячка? У неё и прав, наверно, ещё нет!

– Сколько ей лет вообще?

– На вид лет пятнадцать!

– Блатная?!

– Не похоже! Дура душой!

– А что, дура не может быть блатной?

– Да гляньте на неё. Ясно, чем она этот «мерс» заработала!

– Если личико смазливое, значит, «ясно, чем заработала» – так? Между прочим, никто никому не запрещал на пол кинуться и осколки пособирать. Но начальники ж! Статус не позволяет!

– А я видела, как она шустрила на полу. Молодец, девчонка, бойкая. Будет на нормальной тачке теперь гонять.

– По Ивантеевке какой-нибудь!

– Да хоть и по Ивантеевке. Я сама, между прочим, из Красноармейска. А ты коренной, что ль?

– Я с Самары, с города-миллионника, на минуточку!

– А сюда чего «понаехал» с миллионника своего?

– Чего надо, того и «понаехал»!

– Хватит собачиться! Лучше напомните, что там у нас на сорок третьем?

– Консалтинг какой-то. Семинары всякие, тренинги.

– Отстой. Кто говорил – блатная? Никакая не блатная. Повезло. Должно ж кому-то везти в этих чёртовых башнях.

Наблюдавший за происходящим следователь Анатолий Панфилов радовался тому обстоятельству, что прибыл в эти «чёртовы башни» так вовремя. В главном следственном управлении подполковник Панфилов не зря имел статус везунчика. Умение появиться в нужный момент считалось его фирменным стилем. Вот и сейчас навык сработал на все сто.

Панфилов развернул записку, на которой по старинке карандашом было написано:

«На крыше мира ровно в полночь. Твоя Махаллат».

Записка была найдена в кармане самоубийцы, сбросившегося три дня назад с крыши самой высокой пока в Москве башни «Федерация» с высоты 373 метра. Перед тем, как прийти сюда, Панфилов подготовился: прочёл в энциклопедии, что Махаллат – имя дочери одного из приспешников дьявола, женщины-демона, командующей легионом смерти.

«Вот, значит, как теперь именуют администраторов...»

Подполковник уже давно не удивлялся странным прозвищам, которыми одаривает себя современная молодёжь. Девушка, только что выигравшая «мерседес», никак не походила на грозного демона, скорее, на озорного чертёнка из какого-то мультфильма. Живое симпатичное лицо, короткая стрижка с торчащими во все стороны чёрными, словно гудрон, волосами. Кто-то шушукался насчёт пятнадцатилетнего возраста, но нет – то был просто имидж. Бывают на свете прекрасные создания, чей возраст так сразу и не определишь. Выходило так, что именно она оказалась тем человеком, с которым у самоубийцы была назначена встреча перед самой смертью, а потому «чертёнка с гудроновыми волосами» требовалось допросить. Тем более что падающих с башен заметно прибавилось. То был уже третий смертельный полёт за текущий период, что портило статистику. Причём ранее прыгуны были исключительно «местными» – то бишь работающими в башнях чистильщиками окон, разорившимися брокерами или уволенными клерками. Последние же три трупа оказались из «пришлых». Крайний самоубийца, к

примеру, явился сюда специально и числился не самой последней фигурой в «Ростехнадзоре». По его поводу даже звонили «сверху», требовали более тщательного расследования.

Тем временем вокруг уже всюду звучали пламенные речи, раздавались хлопки шампанского, сверкали огни фейерверков. На крыше пока ещё самой высокой башни страны гремела презентация нового масштабного проекта – строительства башни «Вертикаль».

– За самую красивую!

– За самую высокую!

– Ура-а-а!..

Пока все кричали и радовались, в голове следователя тревожной тенью пронеслась мысль:

«Вертикаль» выше «Федерации»? Не по ранжиру! Как бы чего не вышло...»

ОЛИВИЙ

150 рублей, как 150 этажей...

Табло автомата пригородных железнодорожных касс застыло на цифре 150. Оливию не хватало пяти рублей. Это означало, что придётся ехать не на скоростном экспрессе «РЭКС», а на обычной электричке. Оливин ненавидел обычные электрички. Запах перегара и пота, который там стоял, вызывал у него рвотный рефлекс. Впрочем, даже если запах отсутствовал, его всё равно подташнивало.

– Одолжить пятак? – услышал он вдруг за спиной.

Обернувшись и увидев знакомое лицо, Оливин скривился, словно от боли.

– Махаллат, чтоб тебя!.. Сколько раз повторять – выходи на час раньше. Нас могут увидеть вместе!

– Надоела мне эта корпоративная конспирация. Что за детский сад? Андрюш...

– Прекрати, – зашипел Оливин. – Прекрати называть меня по имени. Ты знаешь правила...

– А ночью всё было не по правилам, – девушка прижалась к нему крепко-накрепко. – Ой как не по правилам всё было.

– Это не повод нарушать дисциплину. С этого всё и начинается...

Монахова отпрянула.

– Дурак ты, Оливин!

Девушка нажала на клавишу «пуск», и из автоматической кассы вылез билет.

– Поедем на обычной электричке, – решительно сказала она, запуская в автомат свою порцию мелочи. – Я тоже на мели. Хорошо, что сегодня зарплата – будет, чем за «мерина» проставиться.

– Кстати, а где он?

– Всё еще в автосалоне, где-то на Каширке. Вечером заберу.

– А у тебя права-то есть?

– Шутишь, пять лет назад получила.

– Пять? А сколько ж тебе?

– Зайди в отдел кадров, анкету прочитай! – ответила девушка и проскочила за турникет.

Через пару минут оба стояли в тамбуре пригородного электропоезда и наблюдали за тем, как пара алкашей пытается отжать на ходу двери, чтобы выпустить из тамбура табачный дым от своих вонючих самокруток.

– Может, в вагон пройдем, – предложила Монахова.

– Надо привыкать, – давась от едкого дыма, ответил Оливин. – Завтра идем на «Серп и Молот». Считаю, что у нас сейчас тренировка.

– На «Серпе» таких чудиков не встретишь, там всё цивилизно! – усмехнулась Монахова.

Чудики кинули презрительный взгляд в сторону своих соседей по тамбуру и, задымив самокрутками ещё сильнее, продолжили попытки отжать дверь.

– А кто там на «Серпе» сейчас главный? – спросил Оливин.

– Некто Гарин Данила Сергеевич.

– Кто это?

– Двадцатилетний пацан, зять Иосифа Раппапорта. Он в нашем «Мордоре» живёт, в башне «Меркурий», в пентхаусе.

– И как, справляется?

– На заводе жёсть. Тридцать процентов сократили. Сначала работяг, потом среднее звено. На очереди новая волна сокращений. Нас как раз пригласили, чтоб прокачать мозги оставшимся «белым воротничкам» на тему нематериальной мотивации, оптимизации и всё такое...

– Развлечёмся!..

Глаз Оливина горел. Щеки покрылись румянцем. По коже забегали мурашки. В голове возникла картинка глотающей каждое слово аудитории.

– Слушайте меня, бандерлоги! Подойдите ближе, ближе, я сказал...

Оливин обожал повторять эту фразу удава Каа из «Маугли». Ему нравилось управлять и манипулировать аудиторией, он получал от этого какое-то животное наслаждение.

Впрочем, не все были согласны с его управленческой стратегией. Один из бомжей вдруг оторвался от попытки отжать дверь и спросил:

– Эй, слышь, ботан, ты кого бандерлогом назвал?

От такого развития сюжета Оливин как-то вдруг замер, побледнел, прижался к холодному тамбурному металлу. Засунув руки в карманы, он молча наблюдал, как к нему приближается дымяще-смердящая угроза.

Монахова попятилась назад, к противоположной двери, испуганно шепча:

– Только не это... Только не это...

– Так кто бандерлоги? За базар ответишь? – наступал бомж.

– Это он не про вас. Это такая фраза из мультика, – попыталась вступить Монахова.

– Не парься, пигалица. Знаю всё про фразу. И про таких хмырей, как он, знаю. Меня из-за такого с работы выперли.

Бомж выбросил свою самокрутку на пол и ухватил Оливина за грудки.

– Только без рук, пожалуйста! – взмолилась Монахова.

Она была сильно испугана. И боялась вовсе не за Оливина.

Второй бомж, видимо, уловив волну, буркнул:

– Валентиныч, отстань от парня! Видишь, он в штаны наложил.

Воинственный бомж чуть умерил свой пыл. Отпустив Оливина, он снисходительно произнёс:

– Ладно, ботан, живи. Дверь отжать помоги.

– Обязательно, – прошипел в ответ ботан и, вынув руки из карманов, резко ударил бомжа по ушам.

Тот как-то глухо всхлипнул, стал было осаживаться, но неожиданно ловкие и сильные руки ботана остановили падение. Оливин подхватил падающего, прислонил его одной рукой к тамбурной перегородке, а второй рукой стал бить того по лицу. Неспешно, размеренно и очень точно, так что захлебывающийся от смеси крови и собственных зубов бомж даже кричать не мог, лишь что-то булькал в ответ.

– Андрей, прекрати, – шептала Монахова, но шептала неуверенно и робко, словно зная: кровавый спектакль закончится, только если занавес решит закрыть сам режиссёр.

Когда тушка бомжа окончательно обмякла, а лицо превратилось в кровавое месиво, Оливин приподнял того над полом и швырнул в сторону.

Второй бомж со страха так рванул одну из дверей, что та вдруг зашипела, резко распахнулась и тело некогда воинственного приятеля быстро, юрко и почти бесшумно проскользнуло в проём.

Примерно с минуту тамбурная тройка растерянно смотрела то на открытую дверь, то друг на друга.

– Может, стоп-кран дёрнуть? – предложила наконец Монахова.

– Скорость маленькая, полежит немного на насыпи и очухается, – сказал Оливин.

Оба посмотрели на державшего дверь второго бомжа. Тот отпустил дверь и безвольно произнёс:

– Валентиныч и не такое видывал.

Затем тот быстренько прошмыгнул из тамбура в вагон и был таков.

– На следующей станции в милицию пойдёт, – предположила Монахова.

– Никуда он не пойдёт, – ответил Оливин, вытирая кровь с рук влажными салфетками, которые всегда носил с собой. Белая рубашка тоже была в крови. – Вот ведь козёл какой, новую рубашку забрызгал. А сегодня важное совещание...

– Зайдём ко мне на сорок третий, там застираем, – предложила Монахова и нежно улыбнулась.

Оливин тоже улыбнулся. Он вдруг вспомнил, как хорошо им было сегодня ночью. А ещё он почему-то вспомнил школу, факультатив по истории и улыбку той самой девочки, то ли Анастасии, то ли Александры. Он вспомнил, как бил её. А та ничего не понимала и зачем-то ему улыбалась. Он вспомнил, как оказался в полиции, как отец порол его ремнем до остервенения. Перед глазами мелькнула кадетская школа, институт. Снова чья-то окровавленная улыбка и страх разоблачения. Вспомнился психиатр Аристофан Ильич, прописавший какую-то дурь, от которой сильно болела голова. Негритянка с семинара в Воронеже, молдаванка с семинара в Париже. Лолита – жена шефа и их свидания по вторникам и четвергам. Всё спуталось в голове. Ничто в жизни не имело логики и смысла ровно до того момента, пока не появилась она – «Вертикаль».

– А меня сегодня на совещание позовут? – словно подслушав мысли Оливина, спросила Монахова.

– Какое совещание?

– Андрюш, перестань. Ты сам только что сказал про важное совещание. Я видела расписание. Сегодня совещание по проекту «Вертикаль». Вы ж меня в рабочую группу включили. Почему же не зовёте?

– Сегодня рутина: план-графики, сметы, оргвопросы...

Монахова вдруг прижалась к Оливину и прошептала.

– Оргвопросы – как раз моё. Вы там красивых графиков и схем как обычно нарисуете, а кто их потом реализовывать будет, а?

Оливин закачал головой:

– Это вовсе не те оргвопросы, о которых тебе положено знать.

Монахова отпрянула:

– Как грязную работу выполнять, так положено. А как бюджет пилить – не положено!

Оливин удивлённо застыл.

– Думал, я не в курсе, что сегодня совещание по бюджетной политике, – усмехнулась Монахова. – Если меня там не окажется, то нам на сорок третий снова гроши перепадут? И сама я, как обычно, тоже мимо кассы...

– Кто бы говорил! – усмехнулся Оливин. – А «мерседес»?

– «Мерседес» шеф у спонсоров отжал. Ни рубля на него из бюджета проекта не потратил. Это не часть моей доли, а бонус за того говнюка, – напомнила Монахова. – И потом, автомобиль – статья расходов, а не доходов.

– Ну ты прям финдиректор, – усмехнулся Оливин.

– Я, между прочим, в универе была лучшей по бухгалтерии и финансам. А финдиректором на проект «Вертикаль» эту бестолочь Лолиту назначили. Где справедливость?

– Лолита – жена шефа, о какой справедливости речь?

– Ну вот в следующий раз пусть Лолита свидания чиновникам на крыше и назначает! Пусть её потом следователь допрашивает!

Оливин удивлённо вытаращил глаза.

– Какой ещё следователь?

Монахова вытащила из кармана визитку и с выражением прочла:

– Главное следственное управление, подполковник Панфилов...

– Когда? Где?

– Вчера, после презентации...

- И ты только сейчас об этом говоришь?
- Да я вообще говорить не хотела. Вы ж меня на совещания не зовёте, в тайны ваши великие не посвящаете. Вот и у меня от вас тайны.
- Дура! – Оливин готов был ударить девушку.
- Что, и меня забьёшь до смерти, как бомжа? – сказала та. – Ну давай!
- Он живой, очухается...
- Монахова покачала головой.
- Никакой он не живой, лучше меня знаешь. И тот чиновник тоже мертвее мёртвого.
- Вокруг нас давно трупы...
- Они заслужили, – спокойно вынес приговор Оливин. – А о чём спрашивал следователь?
- Спрашивал, моя ли была записка.
- А ты?
- Сказала, моя. Там же мой почерк, да и подпись моя.
- Ты что, написала в записке своё имя?
- Я подписалась: Махаллат. Но следователь образованный попался. Мы с ним даже за мифологию потрещали, про Ад, про Рай, про демонов, ангелов и всё такое...
- Оливин схватился за голову:
- Бредятина!
- Не такая уж и бредятина. Шайка наша – точно сборище бесов. Я тебе книжку умную дам, там про это как раз написано.
- Монахова, прекрати! Ты ж сама на тренингах сотням людей голову морочишь. Как ты после этого умудряешься на всякую мистическую пургу подсаживаться?
- Вот прочитаешь книжку и...
- Ничего я читать не собираюсь, – отмахнулся Оливин. – Лучше рассказывай, о чём следователь спрашивал.
- Спрашивал, когда мы с чиновником познакомились. Когда виделись в последний раз? С какой целью написала записку?
- Ну а ты?
- Всё согласно легенде... Сказала, что познакомились недавно. Шуры-муры были небольшие, без секса, чисто поболтать, пофлиртовать. В ресторан ходили пару раз, в театр. Ухаживал красиво, но был немного странный. Настаивал, чтобы писала ему записки. Просил даже в стихах, но я так не умела. А на днях я узнала, что он женат, что у него двое детей. Поэтому решила отношения прекратить. Встреча на крыше должна была стать последним ну типа романтическим свиданием. Он очень настаивал. Записочку очередную попросил написать. В башне под самой крышей есть отель. Думаю, он просто желал там со мной переспать – отметку в послужном списке поставить. Мне же не хотелось стать цифрой в статистике. Я человек простой, замуж хочу, детей, домашнего уюта. Он точно вариант неподходящий. Знаю таких, насмотрелась. Раз в неделю – отель. Раз в год – Турция. Измучают цветами-обещаниями, но благоверных со спиногрызами ни за что не бросят. В общем, не пошла я на свидание. Кто ж знал, что он от горя с крыши сиганёт. Жалко мужика в общем-то, но сам виноват.
- Оливин захолопал.
- Большой театр по тебе плачет...
- В Большом опера и балет – не моё, – поправила Монахова. – Но в одном ты прав: роль свою помню, играю её без запиночки. А вот мои дорогие соратнички, видимо, кое-что забыли.
- Хорошо, хорошо, – Оливин закивал. – Забегу к шефу, попрошу, чтобы тебя тоже пригласили на совещание.
- Мне не надо одолжений, – не унималась Монахова. – Я полноценный член команды. Может быть, самый полезный её член. Скольких трудов мне стоило заманить того козла на

крышу. Сколько раз он меня лапал своими потными ручонками. Когда его с брусчатки соскребали, я была самым счастливым человеком на земле.

Улыбка на устах Оливина исчезла. Он вдруг ясно понял, почему ему с Машей так комфортно. Эти стальные нотки в голосе и хищный оскал. Откуда подобный набор в хрупкой девушке?

Оливий обнял Махаллат и поцеловал. Поцелуй казался пьянящим, с привкусом крови и смерти. С предчувствием тысяч смертей...

Маммон

– Друзья мои, рад сообщить, что возникшие в «Ростехнадзоре» трудности преодолены и мы можем продолжать наш строительный проект в плановом режиме... Точнее, почти в плановом.

В зале для совещаний раздались аплодисменты.

Борис Юрьевич Маммонов, председатель «Ассоциации Девелоперов» (сокращённо «АД»), обвёл взглядом участников совещания и добавил:

– Хочу особо отметить человека, сыгравшего ключевую роль в решении данного вопроса. Машенька – вы молодчина!

– Спасибо, Борис Юрьевич, – поблагодарила Машенька, не забыв подчеркнуть:

– Очевидно, именно за свою «ключевую роль» я сегодня чуть не пролетела мимо важного совещания по бюджету.

– Я уже обратил на это внимание заведующего регламентом, – мило улыбнулся шеф. – Наш Рене обещал отладить отправку электронных писем через новый зашифрованный канал. Недоразумение связано с техническим сбоем, не более того...

Все вопросительно посмотрели на ответственного за регламент француза с русскими корнями Рене Ронове. В Аду его ненавидели буквально все, от членов совета директоров до мелких клерков. Он платил той же монетой. Сильней всего Ронове раздражала Мария Монахова. Он считал её включение в рабочую группу проекта «Вертикаль» ошибкой. Однако совещание по бюджету – не место для внутрикорпоративных войн. Ронове знал, чем восстановить статус-кво.

– Программисты устранили неисправность, и рассылки теперь будут приходить своевременно. Но я бы хотел напомнить всем о регламенте, – Ронове, словно судья, поднял вверх палец. – Напомню, что мы приняли решение не использовать своих настоящих имён во внутренней переписке, договорились пользоваться прозвищами, придуманными и утверждёнными ещё на первом заседании.

– Ну началось! – всплеснул руками начальник службы безопасности Молохов, он же Молох. – Этот дурдом порядком надоел. Мы будто в преступной шайке или в компьютерной игре.

– Мы не в шайке, мы в Аду, – засмеялся Маммон. – А мне лично задумка нравится. Если вдруг нашу переписку взломают, подумают, что тинейджеры развлекаются ну или сатанисты.

– Я вообще-то человек крещёный, верующий, – робко сказал Молохов. – Я поглядел в Интернете, кто такой этот Молох, которым меня прозвали. Тот ещё душегуб. Да и остальные не лучше. Неправильно это всё, не по-христиански...

– А людей с девяносто седьмого этажа вниз сбрасывать – по-христиански? – с усмешкой отметил Ронове. – Вы, Михал Михалыч, в церковь ещё ходите, помолитесь.

– Да уж ходил, не помогает, – вздохнул Молох.

– Так что с соблюдением регламента? – напомнил Ронове.

– Да будем мы соблюдать твой регламент, отвяжись! – включилась в разговор Лолита Маммонова, супруга председателя Ассоциации.

– Тебе хорошо говорить, тебя-то назвали Лилит – мать демонов, соблазнительница мужчин, – тихо произнёс кто-то. – А меня вот окрестили Фурфуром, демоном-оленом. Я что, похож на оленя?

Все участники совещания невольно усмехнулись. Исполнительный директор по фамилии Фурманов и вправду был вылитый олень.

– Регламент – дело святое, – резюмировал председательствующий Маммон. – Только давайте уж и без перегибов. Используем псевдонимы только в переписке ну или в общении между собой. На публике рисоваться не обязательно.

Все вдруг разом посмотрели на Монахову.

– А чего все на меня уставились? Ну выскочило вчера на презентации «Махаллат». От избытка чувств. Не каждый день «мерседес» выигрываешь.

– Не от избытка чувств, а от недостатка ума, – прошептала Лолита Маммонова, но все её услышали.

– Недостаток ума – это когда вместо имени собственного пишешь на визитке «Лилит», а партию визиток делаешь из чистой платины стоимостью в двести пятьдесят штук, – огрызнулась Махаллат.

Лолита вспыхнула и подскочила на стуле.

– Ты вообще кто такая? Как смеешь? – закричала та. – Да одно мое желание – и вылетишь отсюда с волчьим билетом! Будешь всю жизнь в супермаркете вкалывать.

– Тоже мне, белая кость, королева бухучёта! – заискрыла Монахова. – Ели б не твой папаша...

«Бабах», – вдруг раздалось в аудитории.

Это председательствующий хлопнул по столу то ли дыроколом, то ли степлером.

Воцарилась тишина.

– Напоминаю: наш Ад ненастоящий, и вести себя, словно ведьмы во время шабаша, вовсе не обязательно.

Мамонов бросил грозный взгляд на Монахову, а все присутствующие вжались в кресла, ожидая фирменной фразы начальника: «Уволена».

Однако случилось иное, невероятное.

– Напомню, что в начале совещания наша юная коллега Мария Александровна высказала претензию насчёт доли своего участия в проекте «Вертикаль», – произнёс Маммонов.

Не все сразу вспомнили, кто такая эта Мария Александровна. До этого Махаллат никто не называл по отчеству. Она была просто Маша, в лучшем случае Монахова.

– Так вот, повторюсь: роль Марии Александровны, нашей милой Махаллат, в проекте огромна. Если б не она, то у нас сейчас была бы масса проблем с «Ростехнадзором». И мы должны быть за это благодарны. Вчера мы организовали дело таким образом, что Маша выиграла автомобиль. Спасибо партнерам и «воле случая», отлично организованному коллегой Рене Ронове. Но, как мудро подметила Мария Александровна, машина – это статья расходов, а не статья доходов...

Монахова ударила взглядом-молнией в Оливина.

«Сдал, сукин сын!»

Махаллат, да и все вокруг, снова приготовились к чему-то ужасному, но начальник вдруг достал из кармана чековую книжку, а затем дьявольски прекрасную ручку, предназначенную для лучшей в мире процедуры – выписывания чеков. Взмахнув пером, Маммонов протянул заполненный чек Монаховой.

– Возьмите, Маша. Этого хватит, чтобы обмыть машину, да и не только...

Участники совещания заплотировали. Аплодисменты длились долго. Всем требовалось переварить увиденное, понять, что происходит? Почему после публичной перебранки с женой начальника Монахову не просто помиловали, но ещё и поощрили?

Маммон же и не собирался тянуть с разгадкой.

– К большому сожалению, сегодня утром на нас свалилась очередная проблема, – произнёс тот, едва рукоплескания стихли. – Один из собственников земельного участка, на котором планируется строительство башни «Вертикаль», подал в суд. Он утверждает, что ему не выплачен гонорар. Он собирается отмотать сделку назад.

Рене Ронове встрепенулся.

– Это случайно не тот хипстер, который ломался дольше всех?

– Именно он, – подтвердил Маммонов.

– Так он же алкаш... Или наркоман...

– Революционер он, – погуглив, сказал кто-то. – Один из будущих лидеров демократической оппозиции. Так говорит Интернет.

– Он может быть трижды алкашом, наркоманом или лидером оппозиции. Это не важно. Важно то, что в суде зарегистрирован иск на отзыв сделки и штраф. А от имени истца выступает юридическая фирма «Эрнст энд Янг».

Кто-то присвистнул.

– Ничего себе.

– Но у нас же наверняка есть расписка, где указано, что он получил все деньги?

Присутствующие воззрились на начальника службы безопасности.

– Расписки нет, – понурился, произнёс Молохов. – Обыскали архив, прошерстили каждый миллиметр. Папка по данной сделке как в воду канула.

– Но есть же нотариат, реестр, должны остаться следы.

– Нотариальная контора недавно сгорела, их бумажных архивов больше не существует. Но самое интересное, что и электронная база данных пуста. Сделки словно не было.

В совещательной комнате повисла зловещая тишина. Первым её нарушил демон-олень, он же исполнительный директор Фурманов.

– То есть через пару месяцев суд наложит обеспечительные меры, и стройке конец, – предсказал мрачные перспективы Фурфур. – Это ведь тот самый участок, к которому примыкает сервитут – единственный подъездной путь к стройке. Другой дороги нет.

– Но это невозможно! – возмутился демон Пихтион, он же финансовый директор Пихтиков. – Подрядчики, котлован, опалубка, сваи – всё на низком старте. Все готово к заливке фундамента. Это ж непрерывный процесс месяца на два. Восемь бетонных заводов задействованы, четыреста единиц техники!

– Да начхать тому хипстеру на нашу технику. Нанял банду малолеток, чтоб нотариальную контору сожгли и архив хакнули. Теперь будет из нас бабки тянуть, – резюмировал Маммон.

– А может, снесём к чертям «Федерацию» или «Меркурий Тауэр»? Проложим новую дорогу, построим «Вертикаль». Ну а потом получим страховку и всё заново отстроим, – пошутил вдруг Оливий.

Улыбок не последовало. Участники совещания с тревогой и волнением посматривали на Махаллат. Кажется, все догадались в чем смысл недавнего аттракциона невиданной щедрости.

– Нечего сверлить меня демоническими взорами, – хихикнула Монахова, помахивая чеком, словно костью перед голодно-послушными псами. – Я снова готова всех спасти. Только в чеке нужно дописать один ноль.

Взгляды переметнулись на Маммона.

Тот чуть побагровел, но ответил достаточно бодро:

– Думаю, это возможно. Но после выполненной работы!

Взгляды перепрыгнули на Махаллат.

– Да разве это работа? – улыбнулась та. – Всё будет пучком, по фирменной франшизе. Заманим хипстера на крышу и торжественно сбросим вниз.

– Оформив до этого заново все документы на участок, – выпалил Ронове.

– Или найдём украденную расписку, – поправил Молох.

– Кстати, а как этот ваш революционер смог стащить документы? – спросила вдруг Лилит.

– Спустился на парашюте...

– Из космоса прилетел...

– Пролез через форточку, которой нет...

– Вскарabкался на паутине, как человек-паук... Шутливых предположений сыпалось много. Всем хотелось снять стресс. Наконец кто-то задал более серьёзный вопрос:

– Как он вообще в здание попал? Я вот недавно пропуск забыл, так пришлось домой возвращаться.

– А у меня запиликало что-то на турникете. Так чуть догола не раздели.

– Он просто приехал к нам на лифте с сорок третьего этажа, – ответила Монахова.

– А что он делал на сорок третьем этаже?

– Семинарил, – сообщила Монахова, тыкая пальцем в смартфон. – Нашла его фото в Интернете. Такую лохматую шевелюру трудно не запомнить. Он руководит какой-то НКОшкой. Раз в месяц на сорок третьем они проводят семинары, что-то там про демократию и гражданское общество. Я посмотрю по документам, уточню.

– А когда был последний семинар?

– Три дня назад.

– А следующий?

– Через месяц, но увидимся мы, думаю, намного раньше. Завтра утром...

Все замерли в недоумении.

– Завтра выездной семинар на «Серпе и Молоте». Он там что-то вроде лидера профсоюза. Так в его профиле в соцсетях написано.

– Кажется, провидение за нас! – радостно воскликнул Маммонов. – А кто ведёт семинар?

– Главная скрипка в руках Андрея.

Махаллат кивнула в сторону Оливия.

– Отлично, отлично, – потирая руки, произнёс Маммон. – Представляю, что это будет за шоу. Только нужно внести коррективы. Вас ведь наверняка пригласили «топить» за руководство, но, учитывая новые обстоятельства...

– Адски верно, – подхватила Монахова. – Учитывая обстоятельства, будем «топить» за профсоюз, за пролетариат, за угнетённых менеджеров. Устроим там на фиг революцию!

– Да будет так! – с разгорающейся революционной искрой подтвердил Оливий.

– Да будет так! – щёлкнув то ли дыроколом, то ли степлером, утвердил Маммон.

– Да будет так! – почти хором заверили остальные участники совещания и начали подниматься с кресел.

Уже в дверях из уст руководителя вдруг прозвучала крылатая киношная фраза:

– А Вас, Мария Александровна, я попрошу остаться...

Ариэль

Коридоры завода «Серп и Молот» представляли собой запутанный лабиринт. Только в них почему-то пахло не металлической стружкой, а смесью акварели и духов. Повсюду висели картины, иногда красивые, иногда уродливые, но более всего обнажённые.

– Массажный салон какой-то, – усмехнулся Оливин, проходя мимо очередного сомнительного шедевра с голым торсом.

– Это картины Эльзы Раппопорт, жены директора завода.

– А зачем они здесь?

– Современный индустриальный подход! – улыбнувшись, ответила Монахова.

– Да где ж этот чёртов конференц-зал? – выругался Оливин. – Не хватало ещё опоздать. Монахова взяла его за руку, остановила, заглянула в глаза.

– Андрюш, что с тобой? Ты весь дёрганный.

– Всё нормально...

– Я же вижу, что-то не так, рассказывай!

Оливин покачал головой, но Монахова уже вцепилась в него своим фирменным рентген-взглядом, способным расколоть кого угодно.

– Ну хорошо, хорошо, – сдался Оливин. – Хочу знать, где ты была этой ночью?

– У родителей, – спокойно, не моргнув глазом, ответила Монахова.

Оливин остолбенел:

– У родителей?!

– Представь себе, у меня есть родители. Мама и папа.

– А где они...

– В Кузьминках... Должна ж я была похвастаться машиной. Ну типа – глядите, какая у вас прекрасная дочь, не спилась, не скололась, как все думали. Наоборот, в люди вышла. Эффектно, кстати, получилось. Соседи по хрущёвке чуть с балконов не поываливались, когда меня на «мерсе» увидели. Для закрепления материала пришлось даже переночевать в родительском доме. Теперь у нас «всё как у людей».

– Так ты, получается, москвичка? – удивился Оливин.

– Самая что ни на есть коренная, – усмехнулась Монахова. – Чуть ли не в десятом колене.

– А зачем тогда в пригороде живёшь, да ещё на съёмной квартире?

– Что ж мне, до пенсии с родителями жить? К тому же в эпоху моего и родительского переходного возраста у нас имелись, ну так скажем, некоторые разногласия. Папа и мама проработали всю жизнь инженерами на каком-то карьере с единственной записью в трудовой книжке, чем жутко гордились. Поэтому мои метания вызывали у них оторопь, раздражение и панику. Теперь мы все повзрослели, стало полегче. Правда, с десятка полезных советов за ночь я всё же получила. Ну там – пора замуж, пора рожать и всё такое. С консалтингом в отчем доме по-прежнему порядок.

– Оказывается, я ничего о тебе не знаю, – признался Оливин.

– Мужчинам свойственно. Недавно читала результаты одного психологического исследования. Там сказано, что мужчину в отношении с женщиной по-настоящему волнует лишь один вопрос – сколько у неё было до него партнеров...

Оливин вновь помрачнел. Он опять вспомнил, почему не находил себе места и не спал всю ночь.

«А Вас, Мария Александровна, я попрошу остаться».

Фраза Маммона не выходила из головы. Картинка того, чем он и Маша могли заниматься, оставшись наедине в кабинете, была слишком вызывающей. Он прекрасно помнил тот огромный совещательный стол, мягкое, похожее на трон, кресло председателя Ассоциации, удобный

угловой диван и спрятанную за стеной душевую кабину. Он помнил, потому что сам проводил там несколько пылких совещаний с женой Маммона – Лилит. Однако то, что принято прощать себе, не прощается никому другому.

– Я всё понимаю, – сказала вдруг девушка, поцеловав его в щеку. – Прости.

Оливин было испугался прозрачности своих мыслей, но напрасно.

– Прости, что не предупредила. Даже не думала, что ты будешь волноваться. У нас же график. У тебя тренировки. У меня театральная студия. Вчерашние вечер и ночь – это ж совсем не по графику. Опять же конспирация...

– Да ну тебя, – Оливин усмехнулся.

– Ну вот, совсем другое дело, – обрадовалась Монахова. – Надо собраться. У нас важный тренинг.

Оба сделали несколько шагов вперёд и внезапно уткнулись в дверь с надписью «конференц-зал». За дверью было подозрительно тихо.

– Ого, похоже, нас ждут, – предположил Оливий.

– Поджидают, – поправила Махаллат, принюхиваясь к окружающему пространству словно дикий зверь.

– Что чуешь? – спросил Оливий.

– Чую опасность. Там за дверью наш злейший враг – Ариэль...

– Какой ещё Ариэль?

– Скоро увидишь...

– Меня зовут Ариэль. Вы меня прекрасно знаете. Родители всю жизнь трудились на заводе. Родители родителей тоже. Когда-то подобное с гордостью называлось «рабочая династия». Когда-то наш завод гремел. Чего здесь только ни делали. Трубы, литё, проволока, калиброванный прокат. Завод был гордостью страны. Теперь от былой мощи и следа не осталось. Три обветшалых корпуса. А ещё вот это странное помещение...

– Конференц-зал, – напомнил кто-то.

– Ещё несколько дней назад это место действительно называлось конференц-залом завода «Серп и Молот». И это означало, что завод ещё жив. Раз есть конференц-зал, значит, есть что обсуждать, значит, сердце завода ещё бьётся. Но сейчас у данного помещения другое название. Загляните в интернет. Погуглите. Теперь это коворкинг-центр «Стимул».

Присутствующие зашептались.

– Очередной сюрприз от совета директоров... Ну да – кто мы такие, чтобы предупреждать о подобных мелочах, – продолжил Ариэль. – Какие-то вшивые акционеры, у которых на руках какие-то вшивые бумажки под названием «акции». Но хорошо, что нас сегодня собрали вместе. Хороший повод вспомнить о том, что у всех нас на руках есть акции, о том, что все ключевые решения, касающиеся деятельности завода, должны приниматься на общем собрании. Пора разобраться с тем, что происходит, расставить все точки над «и». А происходит вот что. Из-за нашей с вами разобщённости кучка горе-управленцев, провозгласивших себя советом директоров, творит всё, что им вздумается. Рабочих увольняют пачками, перед увольнением выкупая их акции за бесценок. Инженерный состав и менеджмент сокращают, а тем, кто остался, рассказывают сказки про кризис, про то, что нужно потуже затянуть пояса.

– Денег нет, но вы держитесь! – послышалось из зала.

– Именно, – Ариэль кивнул. – Но денег нет не у всех. У совета директоров их почему-то в избытке. Посмотрите, на чём они ездят, где живут, как одеваются? Отчёт о том, куда тратится заводской бюджет, мы с вами не слышали уже года три. Под разными предложениями общее собрание не созывается. А в это время заводские корпуса распродают, а якобы устаревшее оборудование вывозится на металлолом. Скоро вообще ничего не останется.

– И нас всех выгонят! – крикнул кто-то.

– А вот это вряд ли, – Ариэль покачал головой. – Всех выгонять нельзя. Кто-то должен поддерживать тонущий корабль на плаву. Иначе не будет господдержки, банковских гарантий, субсидий и займов. Финансовый пузырь просто лопнет. Думаю, в планах всего лишь урезать нам зарплаты, уменьшить численность персонала. Сокращение издержек – так это сейчас модному называется. С этой целью наше «заботливое руководство» пригласило к нам сегодня лучших специалистов по промыванию мозгов, настоящих посланцев Ада...

На Оливина и Монахову воззрилось семьдесят ненавидящих пар глаз. Начало тренинга явно удалось.

– Ариэль нас действительно поджидал, – прошептал Оливин. – Но чёрта с два мы уступим.

Оливин глубоко вздохнул, приготовившись вывалить на собравшихся море разящих фактов и цифр. На своем веку он повидал много умников. Но всегда побеждал. Сейчас он расскажет о том, что такое современная металлургия и почему производство металла в России, а тем более в Москве, нерентабельно. Расскажет о мизерных зарплатах китайских и индийских металлургов, о передовых доменных печах и роботизированных прокатных линиях. Цифрами и фактами он докажет, что ничтожный планктон, находящийся сейчас в зале, не достоин и трети того, что сейчас зарабатывает. Что без сокращения издержек и диверсификации бизнеса «Серп и Молот» скоро погибнет. А ещё он пройдёт тяжёлым обухом по всяким там морализаторам и демагогам, которые вместо того, чтобы работать, лишь разлагают коллектив. Оливин уже видел картину того, как аудитория ему аплодирует. Однако...

Монахова вдруг тронула его за плечо и попросила:

– Давай я начну.

Не дожидаясь ответа, она заговорила тихо, едва слышно. Заговорила стихами...

Я воссоздам бессмертия полёт,
В биенье сердца, где любовь живёт.
И с высоты небес, где свет храню,
Почувствуешь любовь мою.

Любовь пылает в вечности огнём,
Частица вечности поёт в сердце твоём.
Счастливым если хочешь в жизни быть,
Учись понять, прощать, тепло хранить.

Источник счастья, вечности родник,
Познание истины, твой жизни каждый миг.
К любви дорогу в сердце проложу,
Тебе, мой ангел светлый, я скажу:

Дари улыбки, счастье, свет вокруг,
Чтоб света и любви замкнулся в жизни круг...

Девушка замолчала. Неспешно обвела взглядом аудиторию и продолжила, но по-другому и про другое...

Кем полосынька твоя
Нынче выжнется?
Чернокосынька моя!
Чернокнижница!

Дни полночные твои,
Век твой таборный...
Все работнички твои
Разом забраны.

Где сподручники твои,
Те сподвижнички?
Белорученька моя,
Чернокнижница!

Не загладить тех могил
Слезой, славою.
Один заживо ходил –
Как удушенный.

Другой к стеночке пошёл
Искать прибыли.
И гордец же был сокол!
Разом выбыли.

Высоко твои братья!
Не докличешься!
Яснооконька моя,
Чернокнижница!

А из тучи-то хвала
Диво дивное!
Соколиная стрела,
Голубиная...

Знать, в два пёрышка тебе
Пишут тамotka,
Знать, уж в скорости тебе
Выйдет грамотка.

Будет крылышки трепать
О бульжники!
Чернокрылонька моя!
Чернокнижница!

Семьдесят пар глаз смотрели не мигая, семьдесят сердец работали не стуча. Стояла какая-то особенная тишина. Тишина, которую можно резать ножом.

Махаллат не спеша открыла свой ежедневник и заговорила вновь. Её голос был чеканящим.

– Сто сорок восемь тысяч триста тринадцать рублей— вот та цена, которую нам заплатили за сегодняшнее предательство. Предательство – это наша работа. Почти ежедневно мы ходим по офисам и рассказываем клеркам сказки про то, как улучшить себя, как прокачать навыки, изменить процессы, повисить продажи. Мы продаём иллюзию того, что помогаем тем,

с кем общаемся. Продвижение по службе, карьера, личностный рост – всё это ерунда, ложь! На самом деле мы помогаем исключительно тем, кто нам платит. Участники семинаров и тренингов – агнец, которого приносят в жертву во имя прибыли бенефициаров. И сегодня мы пришли сюда за новой кровью, за новой жертвой...

Девушка неспешно подошла к Ариэлю и встала рядом.

– Первое стихотворение, которое я прочла, – это песнь одного из ангелов божьих Ариэля. Ариэль – ангел мудрости, непорочности, ангел света.

Монахова понюхала одежду Ариэля и как-то странно улыбнулась.

– Лаванда, – сказала она. – Настоящий Ариэль всегда пахнет лавандой.

Девушка подошла к окну так, что солнечный свет бил ей в затылок, отчего вокруг головы образовалось нечто похожее на нимб.

– Второе стихотворение принадлежит перу Марины Цветаевой – это её посвящение Анне Ахматовой, – сказала она. – Обе были Ариэли своего времени. Тоже ратовали за свободу, за правду, за справедливость. Чем закончился их жизненный путь, многие наверняка слышали. Конечно, всем хочется быть ангелами света, нести добро и любовь. Но это невозможно.

Монахова сменила ракурс, и нимб исчез.

– Кто-то должен работать в чистилище, копаться в пороках, выгребать мусор...

Она вновь заглянула в свой ежедневник.

– Сто сорок восемь тысяч триста тринадцать рублей – такова цена сегодняшнего предательства. Нашего общего предательства. Потому что, согласно техническому заданию, уже к вечеру половина из здесь сидящих должна будет придумать, каким образом сократить вторую половину, распределив тридцать процентов их денег между собой. Почему всего тридцать, а не все сто, знает только заказчик. Возможно, жене вашего директора не хватает денег на краски, чтобы малевать новую мазню, украшать ею стены заводского офиса. Как мы только что узнали, уже даже не офиса, а коворкинг-центра. Кстати, о картинах... Они не талантливы и не бездарны, они никакие. Просто голые мужики и бабы. И более ничего, ни внутреннего наполнения, ни содержания, ни эстетики.

Монахова обратила внимание, что несколько человек принялись что-то писать в своих смартфонах.

– Не торопитесь докладывать о моих словах начальству, – остановила Монахова. – В спешке можете упустить нечто важное... Или вы всю жизнь собираетесь толкаться локтями с такими же, как вы, мелкими бесами, прислуживать клерками за мизерные подачки? Сегодня есть уникальный шанс сыграть по-крупному.

Монахова перевела дух.

– Ариэль абсолютно прав – вы и есть хозяева завода, его сердце, его мозг, его последняя надежда! Это не просто слова. Так написано в юридических документах, которые мы внимательно изучили перед тем, как сюда прийти. Но если бы с вами сейчас был один только ангел света, шансов на справедливость было б немного. К счастью сегодня к вам занесло двух ангелов апокалипсиса, у которых есть серьёзный настрой пошалить.

Махаллат взглянула на Оливия, глаз которого горел. Он понял замысел.

– Ариэль сказал правду – сегодня к вам пожаловали лучшие посланцы Ада. Мы обанкротили сотни предприятий. Выбросили в пучину безработицы тонны офисного планктона. Бросили на растерзание акулам бизнеса сотни душ. И сегодня мы займёмся чем-то схожим, но чуть иным. Сегодня мы вместе с вами придумаем план, как спасти «Серп и Молот». А может, и не спасти, а совсем наоборот – разорить, получив за это кучу денег. Сами придумаете, какой именно путь выбрать... Для начала нужно будет кое-что сделать. Причём сделать прямо сегодня, прямо сейчас. А именно: организовать общее собрание, отстранить от управления заводом проворовавшийся совет директоров. Назначить новых руководителей из числа тех,

кто здесь находится. В общем, устроить небольшой революционный переворот ну или рейдерский захват – называйте, как хотите.

Махаллат окинула взглядом аудиторию. Никто больше не копался в смартфонах. Собравшиеся ошеломлённо внимали.

– Ну как вам новая тема сегодняшнего тренинга? – спросила девушка.

– Тема хороша, – ответил за всех, казалось, ничуть не удивлённый Ариэль. – Но хотелось бы знать, зачем это вам?

– Скажем так: пора замахнуться на Шекспира! – улыбнувшись, произнесла Махаллат. – Подобный ответ сгодится?

– Пока годится, – улыбнулся Ариэль, вынув из кармана скомканный лист бумаги. – Тут вот на всякий случай посчитано количество акций. В аудитории сидят держатели двадцати процентов, а если по цехам пробежаться да по домам позвонить, то к обеду наберём и половину.

– А нотариуса поблизости случайно нет? – спросила Монахова.

– Случайно есть на первом этаже. У нас же тут теперь коворкинг-центр...

Был бы здесь Пушкин, непременно б воскликнул:

«Ай да Ангел света, ай да сукин сын!»

Лилит

Подполковник Панфилов никак не мог сообразить, на кого она так сильно похожа. Он внимательно наблюдал за ней и в поднимающемся на девяносто седьмой этаж лифте, и в долгом походе по коридорам и лестницам на крышу. Понял, лишь когда оба оказались на самом верху – там где мимо пролетали облака, а где-то внизу суетился город.

– Полковник, вам нравится мой комбинезон? – заметив на себе изучающий взгляд гостя, спросила Лолита Маммонова, хозяйка башни, ключевой акционер Ада.

– Подполковник, – поправил Панфилов, но хозяйка не отреагировала.

– Мы на самой верхней точке башни «Федерация», на высоте больше трехсот семидесяти метров, – проинформировала Лолита, она же Лилит. – Погода здесь отличается от той, что внизу. Разница силы ветра – десять процентов. Разница температур – минус пять градусов. Вы об этом знали, полковник?

– Подполковник, – вновь поправил Панфилов, но собеседница снова пропустила поправку мимо ушей.

Спустя мгновение она уже разливала чай из неведомо откуда взявшегося чайного сервиза.

– Присаживайтесь, полковник, – предложила Лилит, указывая на одно из плетёных кресел, стоявших в зарослях папоротника.

Панфилов присел и огляделся. Они находились под огромным стеклянным куполом, закрывающим всю крышу в оранжерее, мебель в которой выглядела естественным продолжением пальм, папоротников и прочих экзотических растений.

«Настоящие джунгли», – подумал Панфилов одновременно с пробежавшим по спине лёгким холодком. Под каждым кустом ему чудились скорпионы, змеи и прочие скользкие твари, которых он с детства недолюбливал. Хозяйка лишь усиливала эффект.

– Так как вам мой комбинезон? Не правда ли, прекрасен? – произнесла та, покрутившись перед гостем, словно перед зеркалом, не пролив при этом ни капли чая.

– Яркий, – резюмировал подполковник.

– Он сделан из питона, точнее, из анаконды. Не сшит из отдельных кусочков, а скроен из цельной чешуи. Представляете, какого размера должна быть та змеюка, чтобы комбинезон получился почти без швов? Говорят, она была пятнадцать метров длиной. В её желудке нашли останки костей антилоп, аллигаторов и даже человека.

«Лилит – верховное женское демоническое существо, мать всех демонов. Соблазнительница молодых мужчин, убивающая их во сне. Умеет превращаться в змею. В иудейской мифологии – первая жена Адама, убийца младенцев, наводящая порчу и навлекающая бесплодие на женщин», – вспомнил свои недавние изыскания в википедии Панфилов.

Лолита Маммонова полностью соответствовала образу.

Он бы с удовольствием проигнорировал приглашение женщины-змеи, однако сегодня утром, после совещания в главке, сам генерал намекнул, что необходимо переговорить с Маммоновой.

«Что общего у главного полицейского страны с этой странной женщиной?» – именно такой вопрос вертелся сейчас в голове сыщика.

– Вижу в ваших глазах, полковник, некоторое недоумение, – Лилит протянула гостю чашку чая. – Охотно отвечу на все вопросы. Но только после того, как попробуете наш фирменный напиток.

Панфилов понюхал содержимое чаши, немного пригубил и поморщился.

– Зверобойно-дыгилевый сбор, – улыбаясь, проинформировала Лилит. – Помогает при перепадах давления. Вы вообще в зеркало себя видели? Бледны, словно смерть. Подобное слу-

чается со многими новичками, взмывающими сюда на скоростном лифте. Триста семьдесят метров – перепад нешуточный. Наш фирменный чай выручает, нормализует давление. А некоторые ещё боятся высоты, из-за чего тоже случаются казусы. Вы боитесь высоты, полковник?

– Подполковник, – вновь поправил Панфилов.

Лилит усмехнулась и присела в кресло напротив. Затем вытащила какой-то пульт, нажала несколько кнопок, после чего часть стеклянной крыши и боковые окна стали раздвигаться. В помещение проник свежий воздух. Отличное инженерное решение.

Собеседница подошла к открывшемуся виду на Москву-реку, Храм Христа Спасителя и Кремль.

– Не правда ли, прекрасное зрелище, чувствуешь себя как на Олимпе...

Подполковник ничего не ответил, лишь сделал несколько больших глотков чая и свежего воздуха.

– А знаете, полковник, ведь вся эта красота вообще могла быть не построена. Ни одна из башен «Москва-Сити». Сколько было споров, дискуссий. Общественники, политики, всякие там историки, экологи, эксперты-урбанисты, толпы городских сумасшедших! Кто только ни выступал против строительства. Каких только умных доводов против ни приводилось. Башни погубят исторический облик столицы! Небоскрегам не место в Москве! Не та почва, не тот климат, не та культура, не тот менталитет... Точно так когда-то говорили и парижане про Эйфелеву башню. А теперь Эйфелева башня – главный символ Парижа, на который приезжают поглазеть миллионы туристов. То же самое происходит и в Москве. Башни «Москва-Сити» стали новой видовой точкой, новым символом столицы. Символом мощи, процветания, успеха, мечты. Пройдёт время, и люди перестанут ходить на Красную площадь, перестанут фотографироваться на фоне башен Кремля...

Подполковник невольно усмехнулся, и собеседница это заметила.

– Да, пока звучит смешно, но посмотрите на наш кинематограф. Что там сейчас мелькает в кадрах? Кремль? Чистые пруды? Тверская или Арбат? Ничего подобного...

Лилит вытащила откуда-то красивую красную папку, раскрыла её и озвучила цифры.

– В минувшем году российский кинематограф снял двести тринадцать фильмов. Количество визуальных изображений башен «Москва-Сити» в фильмах увеличилось по сравнению с прошлым годом на 27 %. Количество показов башен Кремля уменьшилось на 22 %. Год назад были зафиксированы аналогичные показатели. То же самое и с визуальными решениями, открытками, альбомами, магнитами, значками и прочей сувенирной продукцией. В общем, налицо устойчивый тренд.

– На мой взгляд, сравнение с башнями Кремля слегка преждевременно, – отметил Панфилов, едва сдерживая сарказм.

– Отчего же? – искренне удивилась Лилит. – Они разные, но и одинаковые одновременно. Башни – символы! Кремль – олицетворение политической власти, «Москва-Сити» – власти экономической. Когда-то всё было сконцентрировано в Кремле. Но постепенно российский орёл стал по-настоящему двуглавым. Кстати, между Кремлём и «Москва-Сити» символ духовной власти – Храм Христа Спасителя. Любопытный символизм, вам не кажется?

В словах собеседницы была своя логика, но что-то не складывалось. Не хватало важного пазла. Панфилов было задумался над этим, но Лилит опередила.

– Не хватает ещё одной башни, – сказала она. – Новая башня «Вертикаль» всё расставит по местам. Она затмит собой не только всё, что есть в России. Она станет величайшим архитектурным сооружением в мире. И дело не в её высоте. За высотой пусть гоняются арабские шейхи. Наша «Вертикаль» будет всего 650 метров. Не так уж и круто по современным архитектурным меркам, но это почти в два раза выше существующих башен. Для незабываемого визуального эффекта достаточно.

Лилит протянула гостю ту самую красную папку, что держала в руке.

Панфилов открыл её и обомлел.

На первой странице был изображён макет новой башни «Вертикаль». Это было нечто совершенно необыкновенное.

Он стал листать дальше. Рисунки, эскизы, проекции того, как башня выглядит в обрамлении уже существующих небоскрёбов, впечатляли ещё сильнее. Подъездные пути и внутреннее убранство вбивали последний гвоздь в гроб сомнений – да это будет самый запоминающийся архитектурный объект в стране, а может, и в мире. Пройдут годы или даже столетия, прежде чем кто-то сможет всё это превзойти.

– Потрясающе! – произнёс Панфилов.

– А вы говорите – Кремль, – усмехнулась Лилит, забрав папку.

– Но почему этих снимков ещё нигде нет? – удивился Панфилов. – Я был недавно на мероприятии после закладки капсулы или что-то в этом роде, но не увидел никаких визуальных решений.

– Маркетологи настояли. Они придумали сделать из этого настоящее шоу. Закладка капсулы и серия презентаций, вечеринок, перформансов в разных уголках планеты. Мы хотим ментально вовлечь в наш проект всех людей Земли. Конкурс по поиску лучших визуальных концепций, в котором сможет принять участие любой желающий, в любой точке земного шара. Затем оглашение итогового проекта, основанного якобы на обобщённом мнении...

Панфилов хотел было возразить на предмет того, вдруг кто-то предложит нечто более гениальное и совсем иное, но Лилит заранее подготовилась.

– Знаю, в чём ваши сомнения, полковник. Но мы же взрослые люди и прекрасно знаем, что они все нарисуют? Когда дело касается России, весь мир рисует одно – «Мордор». Кстати, вы в курсе, что сами обитатели башен в шутку называют это место «Мордором»?

Панфилов вдруг понял, о чём ему напомнили увиденные эскизы. Нечто подобное он уже видел в каких-то странных фантастических опусах про хоббитов, эльфов и гномов. «Вертикаль» действительно сильно напоминала ту самую башню, с которой на людей смотрело оно – зловещее...

– Око Саурана, – в унисон его мыслям засмеялась Лилит. – Башня, с которой за людьми наблюдает всевидящее око. Вот где стопроцентное попадание! Ведь именно так нас представляет себе весь мир, да и мы сами. Мы не эльфы, мы даже не гномы – мы орки. Так было всегда. От этого не уйти, да и не нужно. Умнее принять и правильно использовать. Страх – идеальное позиционирование!

Панфилов собрался было возразить, но аргументов так сразу и не нашлось.

– Знаю, полковник, что возразят так называемые интеллектуалы. А где же русская культура, духовные скрепы? Где великий русский балет, писатели, поэты, композиторы? Где Чайковский, Пушкин, Толстой, Достоевский? Но давайте вспомним, кто мы в произведениях того же Достоевского? Кто мы, если не орки? Кстати, быть орками, на мой взгляд, не так уж плохо. У Толкиена в «Хоббите» орки – единственный народ, который бьётся не за какое-то там золото, а за родную землю!

Панфилов не обладал столь глубокими познаниями в мифах и сказках, поэтому решил отмолчаться.

– И вообще, маркетологам лучше знать, как продавать, – подытожила Лилит. – В некоторых мелочах я с ними не согласна, но в целом проект одобрен. «Ассоциация Девелоперов» полностью готова приступить к строительству самого большого и самого знакового объекта в своей истории, да и в истории России, пожалуй, тоже. Но есть некоторые проблемы...

Панфилов понял, что сейчас наконец услышит то, зачем его сюда позвали.

– Нам нужна ваша помощь, полковник...

– Подполковник, – зачем-то вновь поправил Панфилов.

Лилит сменилась в лице. На миг показалось, что вот сейчас она превратится в анаконду, бросится на свою жертву и придушит.

– По-о-о-лко-о-о-вник, – почти прошипела Лилит. – Генеральская дочь точно знает разницу между полковником и подполковником.

Панфилом более не возражал, а Лилит вновь заговорила на, казалось бы, отвлечённую тему.

– Помнится, мой отец ждал звания «полковник» около пятнадцати лет. Он прозябал в степях, поджаривался в горячих точках, но получил звание, лишь когда освободилась полковничья должность. Путь до генеральских погон оказался раза в три короче.

Панфилов поймал себя на мысли, что подобный карьерный путь ему кого-то напоминает, но додумывать было некогда, ибо парад откровений продолжился.

– Я называю вас полковником потому, что успешное расследование дела, которое вы сейчас ведёте, неминуемо примчит к новому званию. И случится это так же быстро, как полёт на скоростном лифте, который вознес вас сюда.

– Пока расследование лишь в самом начале, – вставил пока ещё подполковник.

– Это потому, что вы не с того конца начали. Вы опросили почти весь офисный планктон, лифтеров, охранников, даже эту дурочку Махаллат. А нужно было сразу же обратиться ко мне...

– Кстати, а что за странные прозвища? – не смог удержаться от вопроса Панфилов, вытащив из кармана платиновую визитку, на которой было написано «Лилит».

Собеседница удивлённо вскинула брови.

– Ого! Моя новая визитка! У меня самой ещё такой нет! Откуда?

– Они правда из платины? – вопросом на вопрос ответил Панфилов.

– Да, из платины... Так откуда она у вас?

– От вашего секретаря. Встретил его случайно в подземном гараже, как раз в тот самый момент, когда он привёз визитки. Интересный молодой человек, эрудированный, симпатичный, открытый. Сколько ему лет, интересно? Восемнадцать есть?

Лицо Лилит превратилось в камень.

– И какой же вы после этого подполковник? Точно полковник, а то и генерал, – сказала она. – А прозвища мы придумали себе так, от скуки. В век соцсетей все прячутся под масками, никами, кличками, псевдонимами. А вы против псевдонимов?

Панфилов покачал головой:

– В принципе нет. Только одно дело, когда псевдоним смешной, безобидный, ну там «конёк-горбунок» или «царевна-лягушка». И совсем другое, когда это имена бесов. Мой личный опыт, конечно же, специфический, связанный в основном с преступниками, с их уголовными кличками. Но обычно дьявольские прозвища ничего хорошего не означают. Я не психолог, но иногда кажется, что прозвища оказывают прямое влияние на поступки и судьбу человека.

Взгляд Лилит вдруг стал тёплым, даже чуть нежным.

– Теперь понимаю, почему отец вас так нахваливает. Вы настоящий профессионал. Умеете расположить, вызвать доверие, проникнуть в самую душу. Bravo, полковник, bravo...

Лилит на мгновение задумалась, улыбнулась краешком губ и тихо продолжила:

– А ведь этот сукин сын – мой секретарь – ни слова не сказал о встрече с вами. Чем же вы его взяли? На какую педаль надавили? Впрочем, не важно. Главное то, что вы нам не просто подходите, вы нам очень и очень подходите...

Панфилова так и подмывало задать прямо в лоб целую кучу вопросов, объединённых в один: «Да кто ж, чёрт подери, ты такая, кто твой отец и что происходит», но следующие слова собеседницы сковали речь и мысли надолго.

– А теперь, если позволите, ещё немного о прозвищах... Сказать, что я сама себе выбрала прозвище Лилит, будет неверно. Скорее, оно выбрало меня. Долгие годы наша семья скиталась по разным городам и весям. Обычно жёны следуют за мужьями, а у нас всё наоборот – отец долго был тенью жены. Мама работала прокурором. Трудилась талантливо, страстно, постепенно став великим и ужасным прокурором всех времён и народов, вершителем судеб, символом беспощадной борьбы с врагами законности и правопорядка. Папа же был хорошим, но не хватающим звёзд с неба опером. Так они и колесили из города в город. Ловили преступников, выносили приговоры, строили карьеру. Всё вроде получалось, и жить бы им счастливо, но имелся в головах один пунктик. Очень уж им хотелось наследника. Именно наследника, мальчика! Меня – девочки – им почему-то было недостаточно.

Лилит перевела дух.

– Первый мальчик родился, когда мне исполнилось шесть лет. Прожил с полгода и умер. Второй появился на свет, когда стукнуло десять. Он не протянул и пары месяцев. Третий скончался прямо в роддоме. Ну а четвёртый, родившись мёртвым, унёс с собой на тот свет и мать. Понятное дело, что без мистических объяснений не обошлось. Уже после второй смерти, с лёгкой руки какого-то экстрасенса, ко мне приклеили ярлык беса, приносящего бесплодие. Во время третьей маминой беременности меня даже отослали к родственникам в Крым, чтоб «чего плохого не случилось». Но плохое всё же случилось. Когда мама забеременела в четвёртый раз, я была уже взрослой и умоляла её сделать аборт. Я чувствовала, что произойдёт непоправимое. Но она и слушать не желала. Ей так хотелось мальчика! На этой почве мы сильно поругались, и она велела мне убраться из дома. Причём не просто убраться. К тому времени мама носила генеральский чин, обладала огромной властью. По её воле меня чуть ли не насильно отправили в один из женских монастырей, намеревались отдать в постриг, чтобы я там до конца жизни замаливала свои несуществующие тяжкие грехи. Папа в последний момент выручил, увёз оттуда и на время спрятал.

Лилит снова перевела дух.

– Потом, уже после смерти мамы, выяснилось, что у неё был диагноз «шизофрения». Выяснилось также, что она вообще не могла иметь детей и моё появление на свет было настоящим чудом. Но чудо-девочки ей всегда было мало, зачем-то нужен был ещё чудо-мальчик. Мучительно умирая на операционном столе роддома, мать успела окрестить меня подкольной змеёй, обвинить виновной в смерти четырёх её сыновей, четырёх моих братьев. Так что клеймо беса, полковник, мне выжгла родная мать, а не какой-то там шуточный корпоративный регламент.

Панфилов не мог пошевелиться. Он знал ту историю. Без подробностей, но знал. То была история жизни его прямого начальника – главного полицейского страны, генерал-полковника Михаила Львовича Плотникова. И выходило так, что сейчас он разговаривает с его единственной дочерью.

– Вижу, отец не предупредил, а вы заранее не навели справок о моей девичьей фамилии, – произнесла Лилит, чуть улыбаясь. – Но согласитесь, так даже круче, эффектней. Как в детективе каком-нибудь или даже в триллере. Это ж в триллерах обычно про потусторонние миры, про приспешников дьявола и всё такое. Только спокойно, в змею превращаться не стану, не умею, к сожалению.

Панфилов не реагировал. Даже прямое попадание в змею не расшевелило. Он пребывал в глубоком ступоре. Единственное, о чём он мог думать, – это о смысле фразы Лилит: «Вы нам не просто подходите, вы нам очень и очень подходите...»

Пока в голове выстраивались страшные и полустрашные предположения, Лилит вновь вооружилась пультом, нажала несколько кнопок, и откуда-то с потолка спустился телевизионный монитор.

– Сейчас я покажу вам одно любопытное видео. У охраны небоскреба такого нет, – сообщила Лилит. – Несколько верхних этажей – особая зона, платиновые апартаменты, где свои порядки.

Панфилов немного очнулся.

– Да, да, многие думают, что в башнях «Москва-Сити» только офисы, но это не так. В «Федерации» тоже есть своя жилая зона. Начинается с 69-го этажа. Ну а с линии облаков, с девяностого этажа – платиновые апартаменты. Мы в шутку называем это место Олимпом. На Олимпе живут настоящие небожители. Здесь особый сервис, особая охрана, особая конфиденциальность. Место, где мы сейчас находимся, – часть зимнего сада одного из самых дорогих в мире отелей. Так пожелали собственники части апартаментов верхнего этажа. Переоборудовали их в отель, который пользуется бешеной популярностью. Многие мечтают жить в облаках, ну а многие мечтают в облаках умереть...

– Вы хотите сказать, что именно здесь... – начал было Панфилов.

– Да, именно здесь, – не дослушав вопрос, ответила Лилит. – Именно здесь произошёл несчастный случай, обстоятельства которого вы расследуете. С другого места прыгнуть вниз просто невозможно. Как видите, везде остекление. Здесь же часть крыши и окон автоматически раздвигается. Можете посмотреть вниз, сами убедиться – точка падения жертвы прямо под нами.

Панфилов поднялся из кресла и тихонечко подошёл к краю крыши. От бездны его отделяли сантиметров сорок и тонкие металлические перила. Подать тело чуть вперёд, за границу перил, стоило волевых усилий. Картина несущихся мимо облаков сковывала настолько, что ноги превратились в пудовые гири, не позволяя приблизиться к краю ни на один лишний сантиметр.

– О-о-о, полковник, так вы всё-таки боитесь высоты! – почему-то обрадовалась генеральская дочь.

Она вдруг подбежала к перилам в паре метрах от него, повисла на них, а затем совершила то ли подъём-переворот, то ли ножницы. Панфилов совершенно забыл, как это всё по физкультурному называется. Для него манёвр Лилит выглядел столь жутко, что он даже на мгновение зажмурился.

– Ничего, полковник, к высоте быстро привыкаешь. Вы тоже привыкнете, – ободрила Лилит, вернувшись обратно к телевизору.

Панфилов мужественно переместился в своё кресло. Чашку с чаем он трогать больше не стал, побоялся, что будет дрожать рука. Только что он сделал неприятное открытие – узнал, что боится высоты. Оказывается, так бывает – доживёшь до преклонных лет и вдруг... А может, причина страха таилась в ином. Размышлять об этом оказалось некогда. Внимание привлёк экран.

Телевизор показывал целующуюся парочку. В девушке он быстро узнал администратора сорок третьего этажа Марию Монахову. В мужчине был опознан недавний прыгун с башни – чиновник «Ростехнадзора».

Панфилов вдруг чётко осознал, что так плохо ему вовсе не из-за высоты, а из-за ощущения того, что влип в какую-то странную полумистическую околполитическую историю. Он опасался, что с каждым новым увиденным на экране кадром погрузится в ту историю всё глубже и глубже. Но ничего страшного не произошло.

– Видите, вон там прячется человек в чёрном, – сказала вдруг Лилит, показывая пальцем в угол экрана.

Полковник присмотрелся и увидел то, чего не замечал секундой ранее. Не замечала того и целующаяся парочка. В нескольких метрах от них на земле лежал человек. Еле заметный, одетый во всё чёрное, он почти сливался с землёй. Однако, если всмотреться, был виден овал лица и поблескивающие зелёным цветом глаза.

– На нём гидрокостюм и очки с функцией ночного видения, – догадался Панфилов.

– Bravo, полковник, – подтвердила Лилит. – Но это вовсе не чистильщик бассейнов, это альпинист. Помните, я говорила о разнице температур внизу и вверху. Этот человек облачился в гидрокостюм, потому что вскарабкался на небоскрёб ночью по стене.

– Без страховки!?

– Похоже на то...

– Таких людей считанные единицы...

– Правильно мыслите, полковник, – согласилась Лилит. – Полагаю, отыскав этого человека-паука, вы найдёте как минимум важного свидетеля, а возможно, даже пособника убийства или убийцу.

– Может быть, может быть, – задумчиво произнёс Панфилов, полагая, что где-то точно запрятано второе дно.

– Полковник, прекратите во мне сомневаться! – скомандовала Лилит. – Я не демон, я дочь вашего начальника. Я его плоть и кровь. Полицейско-прокурорская кровь, хочу напомнить!

Панфилов неуверенно, но кивнул.

– Человек в гидрокостюме похитил из здания папку с очень важными документами, – продолжила Лилит. – Без тех документов строительство новой башни «Вертикаль» невозможно...

– То есть вы пригласили меня сюда всего лишь для того, чтобы я помог отыскать папку с документами?

– Что значит «всего лишь»? В той папке судьбы тысяч людей...

Панфилова чуть отпустило. Двойное дно казалось теперь не таким уж глубоким. Заключать сделку с дьяволом, расписываться кровью, приносить сакральную жертву вроде бы не требовалось.

Панфилов впервые улыбнулся.

– А хранилась та папка с документами где? – спросил он.

– В архиве, тут рядом...

– Интересно, когда человек в гидрокостюме лез на небоскрёб, откуда он знал, что остекление будет открыто?

Теперь и Лилит улыбнулась.

– Вы в самую точку!.. Действительно, остекление крыши в обычном состоянии закрыто. Для того, чтобы проникнуть внутрь, нужно, чтобы кто-то открыл его изнутри специальным пультом. Наш альпинист точно не лез наугад.

– То есть у него был сообщник, – догадался Панфилов. – И это либо прыгнувший отсюда чиновник, либо Махаллат, ой... Монахова.

– Ещё двое могли знать. Владельцы мини-отеля, – уточнила Лилит.

Почти полковник достал блокнот, чтобы записать фамилии.

– Их зовут Фурфур и Пихтион...

Почти полковник закрыл блокнот и с грустью подумал о том, что рано обрадовался.

«Лучше б уж навсегда остаться в подполковниках...»

Фурфур & Пихтион

– Что? Триста рублей в час? Это ж грабёж!

Махаллат негодовала и готова была раздавить шлагбаум подземной парковки вместе с невидимым парковщиком из динамика. Конечно, ей было жалко разбивать «мерседес» в первый же свой приезд на работу, но нога так и порывалась нажать газ.

– Напоминаю, если у вас нет пропуска, то стоимость парковки триста рублей в час, – подливал масла в огонь голос из динамика.

– Да я пропуск ещё два дня назад заказала! Позвони Фурфuru или Пихтиону!

– Кому?

– Фурманову или Пихтикову!

– Я уже звонил. Мне сказали, что они на инвестиционном совете и будут только после обеда.

– Я, между прочим, тоже опаздываю на инвестиционный совет!

– Очень познавательно...

– Слушай, ты, человек-функция, не выводи. У младшего персонала скоро аттестация. Все через мой сорок третий этаж пройдёте! Ассесмент, оценка, всё такое... Я тебя обязательно отыщу и подговорю оценщиков, чтоб низший балл вlepили.

– Я не младший персонал. Я – начальник смены, – гордо сказал человек-функция, но затем вдруг обмяк.

– Ой, так вы с сорок третьего?

– Ну да...

– А я смотрю, лицо знакомое.

Монахова огляделась по сторонам.

– У меня тут камера, я вас вижу. Вы ведь администратор Мария.

– Ага.

– Я про вас в журнале читал.

– В каком журнале?

– В нашем, в корпоративном. Третий номер уж вышел. «Высота» называется. По всем башням «Москва-Сити» распространяется. Я в редакции подрабатываю, журнал разношу. В третьем номере вы на обложке с осколком бутылки шампанского в руке. Ну с тем, с выигрышным...

– Понятно.

– А это тот самый «мерс»?

– Тот самый.

– Красивый. И вы очень красивая!

– Ладно, донжуан, раз узнал, может, всё-таки пропустишь.

– Пропущу, конечно. Только вы, пожалуйста, с пропуском разберитесь, а то я ведь тут не каждый день, сутки через трое.

– Разберусь, – пообещала Монахова. – А ты журналов нам на сорок третий закинь, у нас там траффик знаешь какой.

– Обязательно закину, – пообещал голос из динамика, открыв шлагбаум. – Вы на минут третий сразу ежайте, там посвободней...

– Как звать тебя, ангел-парковщик?

– Вова...

– Вова! – усмехнулась Махаллат, нажимая на газ. – Придумай себе крутой ник, с таким именем так парковщиком и помрёшь...

Лишь только стихли аплодисменты, оратор, точнее, два оратора, в один голос объявили:
– Юбилейное, сотое заседание инвестиционного совета «Ассоциации Девелоперов» просим считать открытым.

Снова раздали аплодисменты.

– Доводим до сведения, что сегодня финал, где будут объявлены победители нашей грантовой программы, направленной на поддержку талантливой молодёжи, на поиск самых перспективных инновационных проектов, которые могут быть применены в различных отраслях экономики.

Аплодисменты повторились.

– Напомним, что «Ассоциация Девелоперов» – один из крупнейших холдингов России. В состав холдинга входит более ста компаний и предприятий, являющихся отраслевыми лидерами в таких областях, как строительство и архитектура, логистика и дистрибуция, девелопмент и управленческий консалтинг.

– О! Управленческий консалтинг – это ж мы! – улыбнулась Махаллат.

– Точняк! – улыбнулся в ответ Оливий.

Опоздавшие Монахова и Оливин сидели на последнем ряду, наблюдая за тем, как исполнительный и финансовый директора Ада Фурманов и Пихтиков вещают что-то о традициях, высоком статусе, престижности и важности.

– Заметила, что Фурманов с Пихтиковым всё делают вместе, – прошептал Оливин. – Даже когда говорит один из них, он всё равно употребляет множественное число: «приветствуем», «просим», «доводим до сведения»?»

Монахова кивнула.

– А знаешь, почему?! – Оливин ухмыльнулся, заглянул в смартфон и стал цитировать:

– Пихтион – демон с огненными крыльями и красными рогами. Не имеет жены и детей. Общается исключительно с мужчинами-воинами тёмного братства... Фурфур – демон-олень. Никогда не говорит правду, только если войдёт в нарисованный мелом треугольник. Оказавшись в треугольнике, принимает облик ангела-женщины с белыми крыльями, белыми волосами и голубыми глазами...

Монахова вновь кивнула.

– Я читала. И намёк твой поняла. Но слишком уж просто. Вряд ли они любовники. Здесь нечто другое. Иногда мне кажется, что они часть единого целого, разделённого случайно, по ошибке. К тому же у Фурманова, говорят, была жена...

– Да у них у всех жёны и дети, – сказал Оливин. – Шифруются...

– Для чего? Сейчас время, когда всё разрешено. А в нашем-то «Мордоре» и подавно...

– Поговаривают, что они уже год из башен никуда не выходят...

– Тут я их понимаю, – чуть мечтательно произнесла Монахова. – Зачем куда-то уезжать, когда тут всё есть. Жильё, работа, рестораны, кафешки, бутики, гипермаркеты, салоны красоты, фитнес-центры, кинотеатры. Я тут года три, а всего ещё не изучила, не увидела. Однажды, помню, к какой-то важной конференции готовилась, так я жила в башнях почти неделю. Спала в местном отеле, шмотками и едой отоваривалась в местных магазинах. Даже по работе всех подрядчиков нашла в нашей же и в соседних башнях. На улицу ни разу не вышла. Передвигалась исключительно по туннелям и подземным переходам. Потом и домой не слишком тянуло. Так бы и жила... Тут же эпицентр событий. Всё самое яркое и необычное. Те самые шик и глянец, о которых все мечтают. Ты вот, например, знал, что в башнях есть свой журнал?

– Какой журнал?

– Видишь, не знал. А он есть. Я там, кстати, в последнем номере на обложке.

– В обнажённом виде? – усмехнулся Оливин.

– Почему сразу в обнажённом? – фыркнула Монахова. – Может, я там как лучший менеджер года!

– А то! – Оливин расплылся в улыбке. – Ты вон и в отелях местных живёшь, словно звезда? Случайно, не в том, что под самой крышей?

– В том самом, – ответила Монахова, с удовольствием наблюдая, как меняется лицо собеседника.

– Так там же цены – космос, – обескураженно произнёс Оливин.

– Настоящие звёзды так и живут: то парят в облаках, то стреляют мелочь на электричку. Взгляд девушки вдруг стал романтично-мечтательный. Она вспомнила, как там под облаками.

– А какая, Андрюш, там ванна... Розовая, фарфоровая, вся в вензельках. Настоящая принцессовая! Стоит она на отдельном пьедестале, прямо перед широким окном.купаешься, а под тобой Москва. Представляешь?!

Оба сглотнули слюну.

– А почему ж я не видел той ванны? – спросил Оливин.

– А потому что мы тогда ещё не были знакомы, – вздохнула девушка. – Ты ж здесь всего год. А то моё неожиданное восхождение на Олимп случилось давно. Фурманов с Пихтиковым тогда только отремонтировали отель. Им нужен был подопытный, чтоб протестировать, как там всё работает. Ну я и вызвалась.

– Пустили, словно кошку в новое жильё, – улыбнулся Оливин.

– Что-то вроде того, – улыбнулась Монахова. – Во время проживания кошка сожгла пару дорожных светильников и пролила соседей снизу. Хорошо, что этими соседями на тот момент были всё те же Фурманов с Пихтиковым.

– Так они живут в платиновых апартаментах?

– Нет, конечно! Просто именно на них оформлена вся нераспроданная в башне недвижимость. Апартаменты они купили в кредит, специально под отель, причём на стадии строительства, когда ещё и половины башни не было. Ремонт сделали тоже в кредит. Думаю, им ещё лет десять, а то и двадцать расплачиваться. Ну а сами они живут где-то на семидесятом, в квартирах напротив друг друга.

– А на лестничной площадке назначают свидания, – усмехнулся Оливин.

Спереди вдруг кто-то обернулся и зашипел.

– Хватит болтать... Из-за вас ничего не слышно... Махаллат и Оливий притихли.

Невольно вслушавшись в запредельную чушь, доносящуюся из президиума, они удивлённо переглядывались, словно продолжая вести друг с другом мысленный диалог. Наконец кто-то, чтоб не шуметь, написал другому в мессенджере:

«Зачем нас вообще сюда позвали?»

«Наверняка для количества, чтоб все места были заняты».

«Сегодня и без нас аншлаг».

«Странно! Кому интересна эта тягомотина? Журналистов тьма. Все телеканалы! С чего вдруг?» «Наверняка один из грантов получит кто-то важный».

«Награждают же какую-то молодёжь».

«Значит, сын или дочь кого-то важного!» «Тоже мне, Инвестиционный совет! Говорили, тут всё по чесноку!»

«Ага, по чесноку! «Мерседес» вспомни!»

«Могли б заранее предупредить».

«Кто мы такие, чтоб предупреждать?!»

«Может, свалим?»

«Отличная идея!»

Они уже готовы были протиснуться меж рядами к выходу, но тут вдруг услышали из президиума нечто интересное.

– Следующим претендентом на грант является группа молодых инженеров завода «Серп и Молот» с проектом по созданию «Инновационных микродронов для бетонных работ».

Махаллат с Оливием переглянулись и, не сговариваясь, стали что-то писать в своих смартфонах.

– Кому пишешь? – спросил Оливий.

– Пихтикову, – ответила Махаллат. – А ты?

– Фурманову...

– Может, зря пишем, может, «Серп и Молот» и так победит?

– Ага, победит, как же!

Через мгновение Фурманов с Пихтиковым читали сообщение от коллег.

«Серп и Молот» должен победить».

«Идите вы со своим «Серпом!» – таков оказался общий ответный месседж.

«Надо срочно поговорить», – написали тогда Махаллат и Оливий.

Через несколько минут все четверо уже поднимались вместе на лифте с сорок третьего на шестьдесят восьмой в совещательную комнату.

– А как там церемония без вас? – спросила Монахова.

Пихтиков махнул рукой, которая почему-то оказалась забинтована, и спокойно произнёс:

– Обойдутся. Сейчас видеопрезентации проектов. Затем речи почётных гостей. Это час, не меньше. Наш выход под занавес – объявим победителей, вручим чеки...

– Так значит, победители уже определены? – поинтересовался Оливин.

– Конечно... Три отличных проекта, которые хоть сейчас можно выводить на рынок.

– То есть всё по чесноку?

– Всё по чесноку!

– Это у нас-то?

– Это у нас-то!

– Ну и ну...

Четвёрка вышла из лифта, преодолела несколько лабиринтов из стеклянных дверей и оказалась в знакомой до боли совещательной комнате, в которой прошла половина их трудовой жизни.

– А что же «Серп и Молот», их проект? – спросила Монахова, усаживаясь в кресло. – Название вроде б впечатляющее!

– Название впечатляющее, а суть полная ерунда, – наливая себе воды в стакан, сообщил Пихтиков. – Микродроны для бетонных работ. Ха-ха-ха... Представляете, что такое дроны?

– Ими свадьбы на видео снимают, – вспомнила Монахова. – Такие летающие штуковины с винтом...

Пихтиков жадно отпил из стакана и продолжил: – Летающие штуковины в прошлом. Гении с «Серпа и Молота» совершили революционный переворот. Так они считают!.. Придумали дронов-бетонщиков в форме иглы, размером меньше миллиметра с одним-единственным микровинтом. Согласно их инновационной задумке, если микродронов запустить в больших количествах в бетон, они смогут его перемешивать. Тогда отпадёт необходимость в бетономешалках...

Все, кроме Пихтикова, прыснули от смеха.

– Вам смешно, – продолжил Пихтиков. – На самом деле – не очень. На днях эти горе-изобретатели продемонстрировали свои опытные образцы в количестве аж десяти экземпляров. Во время демонстрации выяснилось, что микробатареек в их микродронах хватает максимум секунд на пять и перемещаются они метров на десять, не больше. Но это ещё не всё. Наконечник дрона-иглы тепловой. То есть по замыслу при запуске микродрон летит туда, где бетон ещё не остыл. Но так как во время демонстрации никакого бетона вокруг не было, а я

стоял ближе всех, то эти чёртовы штуковины полетели к ближайшему источнику тепла – то бишь к моей руке...

Пихтиков продемонстрировал свою перебинтованную руку.

Все, кроме рассказчика, прыснули от смеха ещё сильнее.

– Ничего весёлого не нахожу, – немного обиделся Пихтиков. – Между прочим, больно, даже кровь пошла. Иглы впились в руку словно слепни. Хорошо, что батареек хватает всего на несколько секунд и эти штуки просто застряли под кожей. А представляете, если б батарейки работали дольше, а игл оказалось не десять, а, скажем, сто!

С воображением у всех было нормально. Смеяться тактично прекратили.

– Дело с привкусом крови, понимаем, но что, если их всё-таки наградить? – попросил Оливин. – Ну хотя бы поощрительным призом.

– Угу, призом зрительских симпатий, в номинации «Кровавый хоррор»! – сказал Пихтиков, вновь продемонстрировав свою забинтованную руку.

Все невольно улыбнулись.

– А зачем вам эти странные ребята? – спросил Фурманов.

– Ариэль, – напомнила Монахова. – Ну тот самый, что в суд на нас подал. Он на «Серпе» работает. Он там что-то вроде духовного лидера. Мы немного подружились. Закрепить бы...

– О дружбе наслышаны! – Фурманов оживился. – Пишут, что на «Серпе» серьёзная заварушка. Рабочий класс и белые воротнички вдруг объединились. Восстали против угнетателей-олигархов. Теперь там вроде как два совета директоров. Чувствуется рука мастера!

Все невольно посмотрели на пихтиковские бинты.

– Намёк понял... Уж чую, что моя рука пострадала не просто так, а за правое дело, – произнёс Пихтиков, бросив вопросительный взгляд на Фурманова.

Тот кивнул.

– Ну хорошо, можем вручить им дополнительный грант. Пусть ребята поразвлекаются. Вдруг из их дурной затеи и впрямь что-то выйдет.

– Спасибо! Спасибо! – обрадовалась Монахова.

– Не стоит благодарности, деньги не наши, деньги холдинга, – напомнил Пихтиков. – На ближайшем совещании готовьтесь к наезду со стороны Лилит. Она-то в ваш план задружиться с Ариэлем совсем не верит. Даже пошла параллельным путем. Привлекла профессионала... ну того следователя, что занимается делом прыгуна из «Ростехнадзора».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.